

Платонова Н. М.

N. M. Platonova

«НАСТРОЕНИЕ РАБОЧИХ НЕРВНОЕ...»: СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ КОНФЛИКТЫ НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ СОВЕТСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА – КОНЕЦ 1920-х гг.)

«THE MOOD OF THE WORKERS IS NERVOUS...»: SOCIAL AND LABOR CONFLICTS AT INDUSTRIAL ENTERPRISES OF THE SOVIET FAR EAST (THE SECOND HALF – THE END OF THE 1920s.)

Платонова Нонна Михайловна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «Теория и история государства и права» Дальневосточного государственного университета путей сообщения (Россия, Хабаровск); тел. 8(924)302-85-03. E-mail: nonnaplaton@mail.ru.

Nonna M. Platonova – Doctor of History, Assistant Professor, Professor, Theory and History of State and Law Department, Far Eastern State Transport University (Russia, Khabarovsk); tel. 8(924)302-85-03. E-mail: nonnaplaton@mail.ru.

Аннотация. Протестное движение на промышленных предприятиях раннесоветского периода представляет особую тему, побуждая историческое профессиональное сообщество к расширению дискурса и созданию новой научной картины этой эпохи. Советский Дальний Восток и его индустриальный комплекс с многочисленным контингентом рабочих, служащих, инженеров, административных руководителей представляют отдельный аспект проблемы. Формирование регионального социума второй половины – конца 1920-х гг. проходило под влиянием трудностей послевоенного восстановительного периода и в особых условиях дальневосточной территории. В ходе реализации социально-экономического курса забастовки, трудовые конфликты не стали исключением и пользовались институциональной поддержкой. На Дальнем Востоке они были немногочисленными, как правило, нацеленными на улучшение материально-бытовых условий. Ведущая роль принадлежала профсоюзам, которые могли возглавить коллективные протесты, мирно урегулировать их, выступив посредником и защитником интересов рабочих перед управленческой элитой. В выводах, основанных на архивных документах, подчёркивается, что региональные трудовые конфликты и протесты не классифицировались как антисоветские выступления, большинство рабочих рассматривало их как средство получения экономических преимуществ.

Summary. The protest movement at industrial enterprises of the early Soviet period presents a special theme, encouraging the historical professional community to expand the discourse and create a new scientific picture of this era. The Soviet Far East and its industrial complex with a large contingent of workers, employees, engineers, and administrative managers represents a separate aspect of the problem. The formation of the regional society of the second half – the end of the 1920s took place under the influence of the difficulties of the post-war reconstruction period and in the special conditions of the Far Eastern territory. During the implementation of the socio-economic course of the strike, labor conflicts were no exception and enjoyed institutional support. In the Far East, they were few in number, as a rule, aimed at improving material and living conditions. The leading role belonged to trade unions, which could lead collective protests, peacefully settle them, acting as an intermediary and defender of the interests of workers in front of the managerial elite. The conclusions based on archival documents emphasize that regional labor conflicts and protests were not classified as anti-Soviet protests, most workers considered them as a means of obtaining economic advantages.

Ключевые слова: социально-трудовые конфликты, протесты, советский Дальний Восток, промышленные предприятия, рабочие, инженерно-технические кадры, профсоюз.

Key words: social and labor conflicts, protests, soviet Far East, industrial enterprises, workers, engineering and technical personnel, trade union.

УДК 331.109.3(94)(571.6)

Забастовочное движение, трудовые протесты, социально-трудовые конфликты являлись неотъемлемой частью глубинных процессов становления, развития и модернизации индустриального кластера России на разных этапах государственного строительства. Социальная активность

рабочих и служащих во второй половине – конце 1920-х гг. в том или ином виде выражалась в проявлении коллективного недовольства, несогласия по вопросам общественно-трудовых отношений и условий их обеспечения со стороны работодателя.

В научных трудах представителей различных отраслей социально-гуманитарного знания причины, характер, типы, формы общественных протестов, анализ роста протестной активности на отечественных предприятиях промышленности неоднократно становились объектом исследований [1; 2; 4; 5; 7; 9; 13; 15]. В контексте проблемы интерес также представляют работы, освещающие вопросы использования иностранных инженеров и рабочих. Раскрывая картину их взаимодействия с местными органами власти, показывая особенности оплаты труда и критерии жилищных условий, авторы формируют более целостное представление об отношениях трудовых коллективов советских промышленных предприятий с иностранными специалистами, что существенно расширяет общеисторический фон раннесоветского периода [8; 12]. Однако вне исследовательского поля остаётся региональный аспект протестного движения, поэтому для восполнения этого пробела автор обратился к указанной теме.

Послевоенное восстановление дальневосточной территории, начавшееся в 1922 г., протекало сложно и было детерминировано спецификой экономического развития, т. е. «...неравномерностью промышленного освоения, слабой заселённостью, разрухой, высоким удельным весом частного капитала в экономике, социально-экономической отсталостью ...» региона [3, 12]. Завершение восстановительного периода в 1926 г. и курс, взятый на форсированную индустриализацию в конце 1920-х гг., повлекли за собой социально-экономические изменения, затронувшие в первую очередь рабочие и инженерно-технические кадры. В этот период трудовые отношения в РСФСР базировались на Кодексе законов о труде (КЗоТ, 15 ноября 1922 г.). Не регламентируя права трудящихся на отстаивание своих интересов посредством забастовок, Кодекс и не запрещал подобную форму протеста. Важное место отводилось профессиональным союзам, которые фактически «выполняли роль инструмента легализации конфликтов, оказывались ответственными за организацию и проведение забастовок в случае признания их неизбежности и целесообразности коллективных протестных действий рабочих и служащих» [5, 177]. Ведущая задача профсоюзов заключалась в оперативном реагировании на социально-трудовые конфликты и мирном урегулировании коллективно-договорных отношений.

Возникавшие на предприятиях советского Дальнего Востока трудовые конфликты, забастовки, как правило, были непродолжительными и нечастыми. В основе недовольства лежали экономические причины, связанные с ростом норм выработки и снижением расценок, несвоевременностью выплаты заработной платы, неприемлемыми условиями труда, поведением администрации, её политикой по отношению к иностранной рабочей силе, качеством коммунальных услуг и условий жизни. В частности, на предприятиях треста «Примуголь» горнорудной промышленности одной из «болевых точек» была проблема, связанная с установлением баланса между оплатой труда и стоимостью угледобычи. При этом заработная плата по коллективному договору устанавливалась весьма низкая (ставка по 1-му разряду составляла 15 р.) и выплачивалась несвоевременно. Профсоюз горняков в течение января-февраля 1926 г. регулярно инициировал перед руководством треста вопрос о необходимости пересмотреть ставки, увеличить заработную плату и повысить расценки угледобычи на 10 %, но правление упорно не желало считаться с доводами профсоюза, мотивируя это недостаточной производительностью труда забойщиков (горнорабочих). Здесь важно отметить технологический аспект угледобычи. При извлечении угольного пласта свойства горной породы (прочность, слоистость, пустотность, плотность и др.) изменялись, оказывая существенное влияние на показатели трудозатности, трудоёмкости и размеры оплаты труда забойщиков. Длительное отсутствие гибкой системы расценок на добычу угля спровоцировало трудовой конфликт между администрацией Сучанского рудника и забойщиками шахт № 2 и № 10. Пытаясь избежать забастовки и не привлекая профсоюз, администрация треста самостоятельно смогла достичь договорённости с горнорабочими, но стоимость угледобычи пришлось повысить на 15 % вместо 10 %, как требовал профсоюз. Настойчивость профорганизации горняков в решении вопроса заработной платы дала свой неоднозначный результат. С одной стороны, 1 марта 1926 г. при

заклучении нового коллективного договора ставка 1-го разряда была повышена до 16 р., с другой – существенно выросли цены на уголь. Сучано-Рудничный Райком ВКП(б) дал жёсткую оценку тактике руководства треста, указывая на то, что она «дискредитировала профсоюз в глазах рабочей массы» (см. прим. 1, л. 149-150, 150 об.), тем самым давая понять хозяйственным руководителям, что в условиях трудового конфликта рассогласованность действий и тем более игнорирование участия профсоюза влекло за собой не только финансовые убытки, но и наносило ущерб его авторитету [2, 23-24].

Вопрос о согласовании расценок угледобычи между профсоюзом и управлением Сучанских копей не терял своей актуальности и в дальнейшем, провоцируя новый виток протестного недовольства. В мае того же года на очередном заседании Сучано-Рудничного Райкома ВКП(б) заместитель председателя Рудкома заявил: «Я не знаю, насколько рабочий фактически вырабатывает больше, но я знаю, что норма повышается. Это ляжет на спину рабочих [и вызовет недовольство – *от авт.*], и я, несмотря ни на какие предложения Райкома, на переговоры с Управлением не пойду, так как я не амстердамец. Наше дело защищать рабочий класс, для меня дороги интересы рабочих, я сам рабочий. Вы меня заставляете согласовывать вопрос, а я не пойду. Что вы со мной сделаете, в тюрьму посадите? Для рабочего это не страшно» (см. прим. 1, л. 171). Следует пояснить, что сравнение с «амстердамцем» и нежелание договариваться с администрацией не случайны. Известный в те годы Амстердамский интернационал профсоюзов проводил политику компромиссов и договорённостей с работодателями, избегая забастовок или иных активных форм протестов. В результате это привело к расколу международного рабочего движения, и Красный профинтерн отнёс его в разряд так называемых «жёлтых», т. е. соглашательских профсоюзов [14, 37-38]. Как отмечалось выше, для советских профсоюзов, массовой общественной организации рабочих и служащих, в 1920-е гг., помимо прав контроля на производстве, надзора за соблюдением коллективных договорных отношений, отводилась функция защиты экономических интересов трудящихся, разрешения социально-трудовых конфликтов. Забастовка помимо или без ведома союза указывала «... на непредусмотрительную его политику, на разрыв между союзом и массой, на общую слабость союзной работы на данном предприятии» [5, 179].

Одной из форм латентного протеста, не санкционированного партийными и профсоюзными структурами и нежелательного для управленческой элиты, были «волынки», с помощью которых забойщики пытались вынудить управление Сучанского рудника повысить расценки угледобычи. В 1926 г. на шахте № 6 забойщики, выходя на работу, в течение трёх месяцев целенаправленно «выдерживали марку в отношении того, чтобы не целиком выполнять установленные для них нормы выработок. Причём русские рабочие держали себя отдельно от китайских рабочих» (см. прим. 2, л. 90; прим. 3, л. 95). Конфликтная ситуация разрешилась мирно, но повторилась вновь в конце августа 1927 г. во время обильного наводнения. Шахты и шурфы Сучанского рудника были затоплены, потоки воды снесли мосты, узкоколейная железная дорога оказалась сильно размытой, насосные камеры оказались под водой, и насосы не работали [6]. Около двух месяцев объёмы угледобычи сокращались. На шахте № 10 «волынка» длилась полтора месяца. Забойщики обосновывали свои действия тем, что при производительности труда в 123 % их заработная плата составляла 125 р., в то время как у китайских – соответственно 111 % и 129 р. Партийное руководство Сучано-Рудничного Райкома ВКП(б) сумело уверить рабочих в неправомерности подобного поведения, но получило своеобразный и в некоторой степени пространый ответ: «Не вышло и не надо», – т. е. предпринятая попытка не увенчалась успехом. Продолжать «волынить» было бессмысленно и неэффективно, поэтому горнорабочие отказались от подобных действий. На следующий день после окончания «волынки» производительность труда русских забойщиков стала выше примерно на 50 % по сравнению с китайскими забойщиками. Однако убедить удалось не всех, и в октябре 1927 г. на шахте № 10 подстрекаемые «одним рабочим, который был выпившим в это время», 15-20 забойщиков, продолжая бузотёрствовать, устроили 8-часовую забастовку, выражая недовольство нормами выработки и требуя увеличения расценок угледобычи (см. прим. 1, л. 95; прим. 2, л. 84, 90-91). Коллективный протест не имел существенных последствий для работы рудника и закончился без социально-экономических потрясений.

Формой пассивного протеста являлись прогулы. Если в 1925 г. они составляли 1,14 %, то в 1926 г. – 1,68 %, а за первое полугодие 1927 г. достигли 2,62 %. Со стороны шахтёров, забойщиков учащались случаи отказа от работы и неподчинения техническому персоналу. В ответ администрация рудника ввела более жёсткий табель взысканий за нарушение правил внутреннего распорядка, усилила меры по охране труда, борьбе с симулянтами и профилактике несчастных случаев (см. прим. 3, л. 95).

По существу, недовольство и протесты нередко провоцировали сами управленцы, особенно в части выполнения условий коллективного трудового договора. Помимо задержки выплаты заработной платы, дефицита прозодежды и спецмыла, жилищного кризиса, имел место рост числа несчастных случаев на производстве, вину за которые забойщики и шахтёры возлагали на администрацию и профсоюз. По данным Бюро Далькрайкома ВКП(б) за 1925-1926 гг. и первую половину 1927 г., в промышленности Дальневосточного края доля несчастных и смертельных случаев в горнорудной промышленности составляла соответственно 69 и 62,4 %. Большая их часть приходилась на Приморские угольные копи, в частности на Сучан (см. табл. 1). Только за апрель-май 1926 г. на сучанских шахтах количество несчастных случаев достигло 113, из которых крайне серьёзными были взрыв на шахте № 6, который повлёк ожоги разной степени тяжести у рабочих, и взрыв на шахте № 10, в результате которого погиб выдвигенец-рабочий. Реакция шахтёров и забойщиков на несчастные случаи ярко демонстрировала их уверенность в том, что «Управление и Рудком требуют от рабочих всё, а требования рабочих, чтобы обезопасить их труд, здоровье и жизнь не выполняются» (см. прим. 1, л. 171). Демонстрацией против администрации Сучанского рудника стали похороны погибшего летом 1927 г. в шахте № 2 рабочего. На его гробу было написано «Будь укором Сучанским бесхозяйственникам, когда ты погиб на 32 году своей жизни» (см. прим. 2, л. 86; прим. 3, л. 92).

Таблица 1

Сравнительные данные несчастных случаев с указанием тяжести последствий на предприятиях треста «Примуголь» (см. прим. 4, л. 211 об.)

Угольные шахты	Смертельный исход	Тяжёлые	Лёгкие	Всего
	1925 – 1926 гг.			
Сучанские	5	22	1172	1199
Артёмовские	1	9	588	598
Тавричанские	–	–	28	28
Всего по тресту «Примуголь»	6	31	1788	1825
	Первое полугодие 1926 – 1927 гг.			
Сучанские	2	5	610	617
Артёмовские	–	6	365	371
Тавричанские	–	–	28	28
Всего по тресту «Примуголь»	2	11	1003	1016

Об отсутствии стабильности во взаимоотношениях между администрацией и подчинёнными во второй половине – конце 1920-х гг. свидетельствует тот факт, что со стороны рабочих в адрес руководства, ответственных партийных работников и инженеров нередко звучали угрозы, имели место нападки во время партийно-профсоюзных мероприятий. Часто конфликты возникали на почве чрезмерной материальной обеспеченности партийно-хозяйственных руководителей. «Рабочие не завидуют большим окладам инженеров, а большому окладу партийца-директора копеек, об этом много разговоров. Рабочие не понимают, почему директор такой же рабочий, а получает большое жалование» (см. прим. 1, л. 92).

Характерной чертой раннесоветского периода стали изменения в партийно-государственной кадровой политике, детерминированные реализацией идеи формирования новой советской интеллигенции через участие передовых работников в управлении предприятиями, учрежде-

ниями, в аппаратах власти на различных уровнях. Как правило, на ответственную работу выдвигались квалифицированные рабочие, которые не имели специального образования. При выдвижении кандидата партийное руководство оценивало его классовую сознательность, жизненный опыт, организаторские способности. Определённые изменения социального статуса выдвиженца (получение образования, руководящей должности и др.) также становились объектом недовольства. Отмечались случаи хулиганства по отношению к выдвиженцам, что вызывало крайнюю тревогу со стороны управления: «...беспартийная масса недостаточно усвоила вопрос выдвиженчества, а отсюда нездоровое отношение к ним. Одному выдвиженцу-десятнику сломали руку, другого выдвиженца пьяный рабочий угрожал зарубить топором за то, что он не пустил его в таком виде на шахту» (см. прим. 2, л. 104).

В отчётных докладах и докладных записках Бюро Далькрайкома ВКП(б), районных, окружных партийных комитетов значимое место стали занимать разделы «О настроениях рабочих», «Политические настроения рабочих», в которых широкий спектр проблем, поднимавшихся на собраниях, заседаниях партийных ячеек, демонстрировал комплекс социально-психологических, политических трудностей, которые испытывали рабочие. На фоне протестных разговоров не только обсуждались вопросы социально-экономического характера, но высказывались мысли о недовериях и сомнениях относительно политической власти в случае возможного ухудшения международной обстановки: «...будет ли война; если будет, то будет ли хлеб, заботится ли об этом Советская власть; почему винтовки только у коммунистов, почему нет оружия у беспартийных; куда сядут коммунисты, как займут престол троцкисты; гибнут денежки рабочих на бесполезную агитацию за границей», «почему Советская власть за 10 лет надоела больше, чем царский режим в 300 лет» (см. прим. 2, л. 86; прим. 3, л. 101).

Выступлений, направленных против Советской власти, за исключением единичных случаев, не имевших политического значения, не было. Так, осенью 1927 г. на шахтах № 6 и № 10 во время перевыборов шахткомов была «... ликвидирована антипартийная группировка. Райком избрал меру высылки из пределов Сучана инициаторов рабочих-бузотёров Лемешенко, Богачёва, Кирсанова, Божок, Кулика, Золоторёва, Зимченко и др. Многие являлись членами партии. Однако чуть позднее данная мера была признана политически ошибочной и личным письмом тов. Трофимова была отменена» (см. прим. 3, л. 93). Во время партийной конференции 1927 г. сформировалась подпольная группа из 13 чел., 5 из которых входили в сектор молодёжи. Цель организации – «выжить тт. Аллилуева, управляющего Сучанскими копиями, Продай-Вода, председателя Сучано-Рудничного Райкома ВКП(б) и т. д. Правда, об этом нигде не было записано, но такие разговоры были». На совещаниях они обсуждали террористические действия, а для создания денежного фонда некоторые члены этой группы предлагали выкрасть и продать печатные машинки, находившиеся в администрации рудника. Организацию практически развалили сами участники, как только узнали, что их замыслы и действия известны Сучанскому комитету ВКП(б) (см. прим. 2, л. 95-96).

Если недовольства заработной платой, нормами выработки, условиями коллективного договора и протесты рабочих рассматривались управленцами как экономические недостатки и трудности перехода на плановую модель развития, то выступления с антисоветским оттенком – как следствие недостаточной партийной работы на местах. Многие партийные ячейки были оторваны от реальности и проблем производства, вопросы, интересовавшие рабочих, как правило, не поднимались и не обсуждались, поэтому их интерес к партийным собраниям был крайне ограничен (см. прим. 1, л. 166). Так, на заседание партийной ячейки шахты № 2, где зачитывалась стенограмма объединённого пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), в первый раз пришли 18 чел., второй – 12, третий – 6. На вопрос о том, почему была такая слабая посещаемость, рабочие-партийцы отвечали: «Все говорят очень хорошо и умно, кто прав и кто виноват нам разобраться трудно» (см. прим. 1, л. 102).

Обстановка недовольства складывалась и на других отраслевых предприятиях промышленности Дальнего Востока, в частности на «Дальзаводе» (Владивосток), который являлся одним из крупных и стратегически важных индустриальных объектов судостроения и судоремонта в регионе. К концу 1920-х гг. на предприятии трудились 996 рабочих и служащих, из них рабочих

881 чел., квалифицированных – 451 чел. Загрузка производственных мощностей достигала лишь 38 % возможностей завода, спланировать её было крайне сложно, поэтому работа шла с перебоями. Средняя заработная плата рабочих составляла 60-70 р. В условиях чрезвычайно тяжёлого финансового положения её выплата ежемесячно задерживалась от 5 до 14 дней, иногда жалование выдавали не полностью. Это негативно отражалось на морально-психологическом климате трудовых коллективов: «...настроение рабочих нервное, имеет место случай, когда председателю завкома, пришедшему в цех уговаривать по поводу задержки заработной платы, рабочие не дали слова. Некоторые рабочие предлагали не получать неполную сумму заработной платы, а требовать полной выдачи» (см. прим. 4, л. 176).

Порой усиливали протестные настроения рабочих кампании и мероприятия, проводившиеся по партийной линии. Так, во время сбора финансовой помощи английским углекопам в 1927 г. раздавались отдельные заявления: «Лучше бы эти деньги направить на подъём производства в СССР, а то мы помогаем, а они нам чем помогли?» (см. прим. 4, л. 178). Однако до открытых конфликтов дело не доходило, т. к. влияние партийной ячейки и профсоюза на предприятии было достаточно сильным. Рабочих «Дальзавода» также волновали вопросы, связанные с международной политикой, и особенно с опасностью новой войны. Они заявляли: «Вдруг, если в порту появятся военные иностранные суда и нужно будет действовать, как поступить в этом случае, мы ответа не получаем. Если готовиться, так готовиться как следует» (см. прим. 4, л. 177). В этой связи рабочие завода охотно вступали в различные добровольные общества, такие как Осоавиахим (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству), МОПР (Международная организация помощи борцам революции).

Дефицит инженерно-технических кадров (ИТК) во второй половине – конце 1920-х гг. решался путём привлечения на производство специалистов, получивших профессиональное образование в дореволюционный период. Представители ИТК имели особые условия труда, улучшенное жильё, налоговые льготы и т. д. Полноценно влиться в трудовой коллектив им не всегда удавалось. В свою очередь рабочим тоже непросто было наладить деловые отношения с ИТК. Важно подчеркнуть, что октябрьская революция 1917 г., Гражданская война и белогвардейская интервенция, новая экономическая политика, переход к плановой экономике не могли не оказать влияния на самооценку рабочих, которая формировалась под воздействием пропаганды тезиса «о политическом господстве пролетариата» [10], поэтому правящему классу принять буржуазное происхождение многих ИТК, терпеть порой снисходительное, высокомерное поведение инженеров и техников, их невнимательность к нуждам и требованиям рабочих было трудно. Рабочие отмечали, что «инженерно-технические работники не желают разъяснять и отвечать на их вопросы» [4, 74].

Недовольство и раздражение, особенно низкооплачиваемых рабочих, вызывала неспособность многих специалистов, имевших повышенные ставки и оклады, профессионально и качественно обеспечивать рентабельную работу «Дальзавода». Так, из-за некомпетентности некоторых инженеров и технического персонала в 1927 г. за границей закупили детали для котла электростанции, но они оказались непригодными и не соответствовали стандарту. Собственными силами детали удалось переделать. Однако их стоимость увеличилась в 1,5 раза по сравнению с тем, если бы эти детали изготовили изначально на заводе. На производственных собраниях открыто звучали взаимные упрёки и нарекания в адрес ИТК: «Завод растаскивают, мы его сохранили, а спецы разрушают. Спецы ничего не делают, рабочие своим горбом всё вывозят, нужно лупить администрацию. Спецы лезут своим носом не туда, куда им нужно, ни черта не делают, зачем деньги получают?» Ответная реакция была незамедлительной и однозначной: «Моё (инженера – *от авт.*) положение безнадежное, я с удовольствием уйду с завода, потому что при таком отношении к специалистам работников нельзя привлечь» (см. прим. 4, л. 177). На Бюро Далькрайкома ВКП(б) рассматривали сложившуюся ситуацию как «нездоровые отношения», преодолеть которые можно было через слаженную работу технического совещания.

Усиление темпов индустриализации, пересмотр норм выработки и расценок привели к изменениям показателей ставок оплаты труда. Тарифная реформа 1928 г., осуществлявшаяся в СССР, проводилась с целью сближения различных уровней оплаты труда по фиксированным та-

рифным ставкам в различных отраслях промышленного сектора. Одновременно ограничивались сдельные приработки, что отразилось на настроениях рабочих, в частности Читинского округа, входившего в состав Дальневосточного края. Ещё в 1927 г. на строительном участке станции Чита-1 прошла 4-часовая стихийная забастовка 400 чел., вызванная задержкой заключения коллективного договора в течение 6 месяцев и требованиями 30%-го гарантированного приработка к заработной плате. Лишь под воздействием окружкома конфликт был ликвидирован. В железнодорожных мастерских станции Чита-1 заработная плата квалифицированных рабочих-сдельщиков численностью до 500 чел. снизилась на сумму от 25 до 50 р. На собрании профактива имели место отдельные резкие выступления против реформы заработной платы, выдвигались возражения, «что это нажим на рабочий класс, попытка за счёт рабочего улучшить положение спецов, попытка к созданию “нового класса”. Это не что иное, как “термидорианство”». Отдельные группы рабочих были недовольны уравнительными тенденциями: «Вам [администрация, ИТР – *от авт.*] хорошо разговаривать, Вы получаете сотни» (см. прим. 5, л. 43, 122). В мае 1928 г. во время перевыборов фабрично-заводского местного комитета (ФЗМК) в Читинских железнодорожных мастерских его руководство подверглось резкой критике. Выступавший бывший меньшевик Докторов объяснял изъяны деятельности месткома, исходя из общей системы работы: «ФЗМК всякие вопросы согласует с разными партийными, советскими и союзными организациями, поэтому и работа плохая». Его поддержало собрание, продлили время выступления и даже горячо аплодировали, тогда как последующему оратору-партийцу не давали слово (см. прим. 5, л. 121-122).

На других индустриальных объектах Читинского округа также возникали коллективные противостояния при решении вопроса рационализации производства. Например, рабочие паровозного депо Хилок были крайне недовольны перспективами закрытия предприятия в целях концентрации производства. Из-за отдельных мероприятий по разделению труда на Петровском заводе опытная бригада литейного цеха вынужденно прекратила работу. Значительные недовольства рабочих на Черновских коях в течение ноября-марта 1928 г. были связаны неорганизованным введением администрацией новой системы работы, базировавшейся на разделении труда. В результате перевода забойщиков в разряд откатчиков, дробильщиков их заработная плата значительно снизилась. Читинская окружная организация ВКП(б), стремясь не допустить забастовки, особыми мероприятиями (предложили руководству не снижать заработную плату, отправили на копи особую партийную комиссию для изучения вопроса о новой системе и т. п.) сумела ликвидировать недовольства рабочих (см. прим. 5, л. 121). В феврале 1928 г. новым объектом трудового противостояния стал Доронинский содовый завод, где добывали сырьё и производили содопродукты. Недовольства рабочих «безобразной и недопустимой бесхозяйственностью администрации и нечутким отношением к интересам рабочих и производства со стороны профсоюзов (рабочие по 3-5 месяцев не получали заработной платы, болели цингой от голода)» вылились в стихийную забастовку. Конфликт был ликвидирован усилиями местного райкома партии (см. прим. 5, л. 48-49, 120; прим. 6, л. 34).

Таким образом, анализ протестов, трудовых конфликтов на дальневосточных предприятиях второй половины – конца 1920-х гг. показывает, что в подавляющем большинстве в их основе лежали социально-экономические причины, связанные с ухудшением условий труда, быта, материального положения, усилением разрыва между уровнем жизни рабочих и управленческой элиты. В то время как рабочие были озабочены поисками материальных средств к существованию, число привилегий административно-руководящих, партийно-советских работников и инженерно-технической интеллигенции разрасталось, что усиливало чувство социальной несправедливости и становилось предметом критики со стороны рабочих. Политические высказывания не исключались, но антисоветских выступлений в промышленном секторе региона не было. До некоторой степени анархический уклон рабочих советского Дальнего Востока и их стремление поддержать радикальные методы вполне можно объяснить их участием в партизанских отрядах во время Гражданской войны и иностранной интервенции, что особенно ярко просматривалось на Сучане. Конфликты возникали стихийно, подавляющая часть их участников была ориентирована на воз-

возможность получения экономической выгоды, оставаясь политически равнодушной, инертной и пассивной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова, Л. В. «Отношение рабочих недружелюбное...»: забастовки в советской России в первой половине 1920-х гг. (по документам ГПУ) / Л. В. Борисова // Вестник РУДН. Серия «История России». – 2015. – № 4. – С. 98-105.
2. Галлямова, Л. И. Сучанский каменноугольный рудник в условиях смены модели развития Дальнего Востока СССР: от новой экономической политики к централизованной экономике / Л. И. Галлямова, Н. М. Платонова // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2021. – № IV-2 (52). – С. 19-28.
3. История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 2. Дальний Восток России в эпоху советской модернизации: 1922 – начало 1941 года / под общ. ред. чл.- корр. РАН В. Л. Ларина; отв. ред. Л. И. Галлямова. – Владивосток: Дальнаука, 2018. – 656 с.
4. Ермушин, М. В. Инженерно-техническая интеллигенция и рабочие в годы НЭПа: проблема взаимоотношений / М. В. Ермушин // Интеллигенция и мир. – 2011. – № 1. – С. 68-81.
5. Красильников, С. А. От забастовок к «волынкам»: рабочие протесты в советской стране 1920-х годов / С. А. Красильников // Всероссийский экономический журнал ЭКО. – 2017. – № 1. – С. 176-189.
6. Маклюков, А. В. Развитие Сучанского рудника в условиях новой экономической политики (20-е годы) / А. В. Маклюков // Сучан в 20-30-е годы, Сучан в годы социалистической модернизации: неофициальный форум города. – URL: <https://partizansk.eu/forum/index.php?showtopic=2421> (дата обращения: 05.03.2023). – Текст: электронный.
7. Платонова, Н. М. Проявления социальных протестов на промышленных предприятиях промышленно-гражданского комплекса Дальнего Востока РСФСР (1965 – 1985 гг.) / Н. М. Платонова // Образование и наука: современное состояние и перспективы развития: сборник научных трудов по материалам Междунар. науч.-практ. конф. Ч. 4. – Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2013. – С. 103-107.
8. Резаненко, О. О. «Нечеловеческие условия жизни» иностранных специалистов и рабочих промышленных предприятий Сталинграда в конце 1920-х – 1930-е гг. / О. О. Резаненко // Власть. – 2017. – № 4. – С. 127-131.
9. Титов, В. Ю. Дальний Восток: от несогласия к протесту (конец 1920-х – середина 1930-х годов) / В. Ю. Титов // Вестник Евразии. – 2003. – № 1. – С. 67-90.
10. Троцкий, Л. Д. Итоги и перспективы. Революция и пролетариат / Л. Д. Троцкий // Искра – Research, 2021. – URL: <https://iskra-research.org/Trotsky/Permanent/chapter24.shtml> (дата обращения: 06.03.2023). – Текст: электронный.
11. Чураков, Д. О. Рабочий протест на советских территориях в 1919 – 1920 годах / Д. О. Чураков // Преподаватель XXI век. – 2015. – № 2. – С. 281-288.
12. Юдина, Т. В. Промышленные кадры и индустриализация Сталинграда в конце 1920-х – 1930-е гг. / Т. В. Юдина // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2020. – № 1. – С. 120-124.
13. Юдина, Т. В. Расценочно-конфликтные комиссии на концессионных предприятиях СССР в годы новой экономической политики / Т. В. Юдина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 16 (154). – С. 44-48.
14. Яхимович, С. Ю. «Жёлтые профсоюзы» и протестное движение внутри Дорпрофсожа на КВЖД (1920-е гг.) / С. Ю. Яхимович // Современная научная мысль. – 2018. – № 1. – С. 36-45.
15. Яхимович, С. Ю. Профсоюз железнодорожников КВЖД на переходном этапе становления советско-китайских отношений (1923 – 1924 гг.) / С. Ю. Яхимович // Современная научная мысль. – 2017. – № 2. – С. 53-59.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 8.
2. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 45.
3. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 48.
4. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 43.
5. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 90.
6. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. Р-1259. Оп. 1. Д. 32.